

С. В. Леонов

К вопросу о влиянии Византии на русскую историю

Аннотация: в статье рассматриваются связи Руси с Византией, преимущественно в IX–XII вв. Выявляются основные особенности историографической разработки этой темы; уточняются масштабы и характер византийского влияния на различные сферы древнерусского общества: религию, культуру, политические представления, правовую систему, экономику. Исследуется дискуссионная проблема — о степени и характере зависимости Руси от Византии; формулируется собственная авторская позиция. В связи с этим значительное внимание уделено анализу титулатуры правителей Руси, ее особенностям (в сравнении с другими славянскими и православными странами). В итоге дается определение характера и специфики древнерусской рецепции византийской цивилизации, выявляются факторы, определившие эту специфику.

Ключевые слова: история, Русь, Византия, влияние, рецепция, православие, титулатура, культура, цивилизация, экономика.

В последние 20 с небольшим лет история Византии (вроде бы давно забытая всеми, кроме узкого круга специалистов) неожиданно оказалась востребованной обществом. Анализом византийской цивилизации, ее влияния и параллелей с историей собственной страны стали заниматься разные авторы¹. Всплеск интереса к Византии наблюдается и на Западе, некоторые исследователи пытаются найти аналогии с ней даже для США². Данный феномен явился одним из следствий краха СССР (и его идеологии) и поисков новой самоидентификации России в стремительно меняющемся мире. Интерес к Византии обусловлен ее специфическими чертами («мультикультурализм», тонкая дипломатия и длительная жизнеспособность, несмотря на непрерывную борьбу с иными цивилизациями), которые сегодня оказались актуальными для многих

держав. Впрочем, явная идеологизация византийской истории — не столько порождение современной эпохи, сколько примечательная черта ее общественного восприятия на протяжении многих столетий.

На Западе, где уже с раннего Средневековья Византия рассматривалась как оплот схизмы, чуждой культуры и как опасный конкурент, вплоть до недавнего времени сохранялось предвзятое и во многом негативное отношение к ней³. С середины XIX в. и особенно после Первой мировой войны западная византистика совершила скачок, выйдя на ведущие позиции в мире, однако история этой цивилизации (рассматриваемая как антитеза Европе) пока не вполне инкорпорирована в историю

Средневековья, ее многообразное влияние на общество, культуру Запада только начинает признаваться.

В России уже с XIX в., после появления первых популярных работ о Византии и полемики П. Я. Чаадаева и А. С. Пушкина, Византия заняла важное место в политических и идеологических дискуссиях. Чаще всего на нее ссылались для отстаивания самобытности России или, напротив, для показа пагубности такого пути. Соответственно оценки масштаба и характера ее влияния на Россию носили полярный характер.

Чаадаев считал «византийское наследство» главным фактором «одиочества»

¹ См.: Иванов С. Второй Рим глазами Третьего: Эволюция образа Византии в российском общественном сознании. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/04/14/vizant>; Бачинин В. Общественные грехи византизма URL: <http://www.archipelag.ru/authors/bachinin/?library=1934>; Каграманов Ю. Безответная Византия // Континент. 2008. № 136; Кадырбаев А. Византийское и золотоордынское наследие в судьбе Российской и Османской империй сходство и различия // Татарский мир. № 19. 2004; Кожин В. От Византии до Орды: О судьбах Руси и русского слова. М., 2011; Найшуль В. Третий Рим — единственная концепция, придающая целостность российскому государству и обществу. URL: <http://www.polit.ru/article/2011/02/14/nayshul>; Русская Византия. Круглый стол. URL: http://www.polit.ru/article/2012/04/10/politeia_seminar_1/semnar_1a/seminar_1b; Устьян А. Р. Неовизантизм как евразийская геополитическая стратегия развития России в XXI веке. М., 2002, и др.

² См.: Полити А. После «бушеномики» // Россия в глобальной политике. 2009. № 1; Параг Х. Новое Средневековье. Как способы управления миром отстают от реальности // Россия в глобальной политике. 2012. № 2.

³ Оно было актуализировано французскими просветителями XVIII в. (Ш. Монтескье, Ж. Кондорсе и др.), а затем Э. Гиббоном и некоторыми другими исследователями. Ф. Гизо в классическом труде «Истории цивилизаций в Европе» даже не упоминал о Византии. В годы «холодной войны» на Византию проецировалось негативное отношение к СССР.

России в мире и ее фатального отставания от Европы: «По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения» народов Севера⁴. Примечательно, что Пушкин, не опровергая его оценок Византии, подчеркивал лишь ограниченность ее влияния. В своем, так и не отправленном, письме Чаадаеву он писал (по-французски), что «нравы Византии никогда не были нравами Киева»⁵. Напротив, К. Н. Леонтьев убеждал, что основы российского «государственного и домашнего быта остаются тесно связанными с византизмом», что «византийский дух, византийские начала и влияния» еще пронизывают «великорусский общественный организм». По сути, получалось, что Россия с некоторыми вариациями переняла от Византии большинство своих системообразующих черт, составляющих залог ее силы и самобытности: самодержавие, православие, «непреувеличенное» представление об индивидуальности, отрицание идеи «земного всеравенства, ... всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства»⁶.

Возражая Леонтьеву, В. С. Соловьев подчеркивал, что в Византии отрицались «жизненные требования христианства, не ставилось никакой высшей задачи для жизни общества и для государственной деятельности» и что страна еще до своего падения давно «умерла нравственно». Россия же обнаружила некоторые «преимущества своего религиозно-политического сознания перед византийским». Хотя «вместе с православием она получила и церковный византизм, т. е. известный традиционализм и буквализм» и не избежала трагических повторений некоторых византийских противоречий, она, в отличие от Византии, сохранила способность к самосовершенствованию и — через сближение с Европой — развитию личности, значение которой было «чуждо византийскому мировоззрению»⁷.

В России школа византистики сложилась к концу XIX в. и практически сразу заняла одну из лидирующих позиций в мире. Некоторые западные исследователи стали испытывать комплекс неполноценности из-за незнания русского языка, а отдельные из них даже учили его⁸. Тем не менее, российская профессиональная византистика не успела, а отчасти и не смогла повлиять на идеологические баталии. Примечательно, что Н. Я. Данилевский в нашумевшем

труде «Россия и Европа», вышедшем в 1871 г. и до 1895 г. переизданном трижды, анализируя «культурно-исторические типы или самобытные цивилизации», умудрился не выделить среди них Византию⁹. В начале XX в., на фоне начавшейся в России революционной эпохи, дебаты о Византии пошли на спад.

В советскую эпоху идеологизация Византии еще более усилилась. С 1928 по 1943 гг. изучение ее истории было прервано, а позднее носило усеченный характер, с акцентом на социально-экономическую историю и общность основных тенденций ее развития с Западной Европой. Ситуацию осложняло и то, что под Византией как сами исследователи, так и их бдительные цензоры часто имели в виду СССР¹⁰. Хотя отечественное византиноведение все же добилось значительных успехов, оно существовало относительно замкнуто: даже в российскую историографию его допускали под жестким присмотром. В силу политики «государственного атеизма» и укоренившихся в историографии (еще с кампании по борьбе с космополитизмом) стереотипов «державного национализма» исследование византийского влияния на Русь отличалось «секуляризованностью», фрагментарностью и «дозированностью», а в целом явно недооценивалось. Некоторые представители русского зарубежья внесли важный вклад в изучение этой темы, но их внимание было сосредоточено преимущественно на богословской традиции¹¹.

В современной России византистика, как и историография отечественной истории, переживают очередной подъем. Тем не менее, за исключением ряда проблем (связанных с историей русского православия, военно-политических, а отчасти культурных контактов, становления российского государства, его политической идеологии) воздействие Византии на российскую историю остается недостаточно исследованной темой, не вполне встраивается в нее. Глубокие, изящные положения русских мыслителей (от К. Н. Леонтьева и В. С. Соловьева до Г. Флоровского и Г. П. Федотова) о степени и характере византийского влияния на Русь и Россию остаются слабо верифицированными исторической наукой. Особенно явно это проявляется в литературе, посвященной истории домонгольской Руси.

В противовес западной традиции советские авторы были склонны преуменьшать значение Византии для становления Руси и ее культуры. Видные историки

⁴ URL: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0010.shtml.

⁵ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М., 1981. С. 218, 336.

⁶ Леонтьев К. Избранное. М., 1993. С. 19, 22, 27, 28, 33–36, 40.

⁷ Соловьев В. Византизм и Россия // Соловьев В. Спор о справедливости. М.–Харьков, 1991. С. 665, 667, 672, 677–679, 697.

⁸ См.: Медведев И. П. Некоторые размышления о судьбах русского византиноведения // Исторические записки. 3 (121). М., 2000.

⁹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 88.

¹⁰ Иванов С. Второй Рим глазами Третьего.

¹¹ См.: Мейендорф И. Византия и Московская Русь. Париж, 1990; Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1983; Федотов Г. П. Русская религиозность. Ч. 1–2 // Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 10, 11. М., 2001, 2004.

опровергали «домыслы об определяющем значении» для Руси иноземных, в т. ч. византийских, влияний¹². Характерна позиция М. В. Левченко, автора одной из немногих в советской историографии монографий на тему византийско-русских отношений. Признавая, что Русь была многим обязана византийской культуре, он вместе с тем рассматривал византийское влияние как «классовое, искусственное» и полагал, что оно «только помогало росту самостоятельной и прогрессивной русской культуры». Левченко утверждал, что в XI–XII вв. Русь выступала как «могучее равноправное с Византией государство, а Киев многими рассматривался как соперник Константинополя»¹³.

С 1970-х гг., особенно с периода «перестройки», в связи с «реабилитацией» Русской православной церкви и падением монополии марксистско-ленинской методологии в исторической науке начался пересмотр данных схем. Некоторые авторы признали, что «духовные ценности, созданные Византией, послужили фундаментом для национальных культур многих государств», включая Русь¹⁴. Однако до сих пор, несмотря на существенное приращение знаний, формирование новой концепции роли влияния Византии на домонгольскую Русь не завершено. В имеющихся исследованиях содержится значительный фактический материал и ценные выводы по ряду проблем¹⁵, но отечественная историография пока не вышла на уровень обобщающих монографических исследований по данной теме. Оценке масштаба и значения византийского влияния посвящены лишь отдельные статьи, причем их авторы (в силу нераз-

работанности, дискуссионности многих конкретных аспектов темы и инерции прежней методологической традиции) по большей части делают акцент не столько на общих, сколько на особенных чертах Византии и Руси¹⁶. В некоторых монографиях о ранней истории Руси Византия только упоминается, в подавляющем большинстве работ содержатся лишь «дежурные» ссылки на византийские источники или общеизвестные события: крещение Руси, военные походы на империю и т. п. Недооценка влияния Византии на Русь в отечественной историографии еще не вполне преодолена.

На сегодняшний день наиболее существенным обобщающим исследованием по данной теме остается монография британского историка Дм. Оболенского, вышедшая еще в 1974 г. (на русском языке — 24 года спустя)¹⁷. Однако предметом рассмотрения автора является не столько Русь, сколько «наднациональная общность христианских государств», т. е. европейские страны Византийского содружества; к данной концепции скептически относится ряд отечественных историков¹⁸. Фундаментальный труд Г. Подскальски посвящен главным образом византийскому влиянию на Церковь и богословие Руси¹⁹.

Таким образом, проблема самостоятельности Руси, масштаба и роли византийского влияния остается дискуссионной. До сих пор нет убедительного, подкрепленного фактическим материалом ответа на простой (но основополагающий) вопрос: была ли домонгольская Русь самостоятельной страной со своей самобытной культурой или же провинциальным вариантом византийской цивилизации, «периферийным доменом» Константинополя²⁰? Мы остановимся на отдельных положениях, уточняющих масштабы и роль византийского влияния на Древнюю Русь.

Первые контакты будущих восточных славян с Византией относятся к VI в. Во 2-й половине IX в. благодаря варягам началась эпоха регулярных и плодотворных взаимосвязей, охвативших постепенно все основные сферы жизни; она продолжалась до середины XV в. (Отдельные элементы «византийского наследия» Россия осваивала вплоть до XIX в.) Не только в запад-

¹² Паушто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 14.

¹³ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 444, 457, 471, 547, 548.

¹⁴ Удальцова З. В. Культурные связи древней Руси и Византии // Византийский временник. Т. 42. М., 1981. С. 25–27; Лотман Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византия и Русь. М., 1989; Орлов Р. С. Византия и Русь. Проблема диалога культур // Южная Русь и Византия. Киев, 1991.

¹⁵ См.: Аверинцев С. Другой Рим: избранные статьи. М., 2005; Бибииков М. В. BYZANTINOROSSICA. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004; Бычков В. В. Русская средневековая эстетика. XI–XVII века. М., 1992; Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991; Власов В. Г. Византийское и древнерусское искусство. М., 2003. Восточно-христианский храм: литургия и искусство. СПб., 1994; Искусство Руси, Византии и Балкан XIII в. СПб., 1994; Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. М., 1978; Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб., 1999; Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв. Л., 1973; Никитенко Н. Н. Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской. Киев, 2004; Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. М., 2008; Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья. М., 2001; Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007; Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. М., 1990; Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XII–XIII вв. М., 1978, и др.

¹⁶ См.: Живов В. М. Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. М., 2000; Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX–XII в.). СПб., 2000; Орлов Р. С. Византия и Русь.

¹⁷ Оболенский Д. Византийское содружество наций: Шесть византийских портретов. М., 1998.

¹⁸ Литаврин Г. Г. Вместо заключения. Древняя Русь и так называемое «Византийское содружество государств» // Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX–XII в.).

¹⁹ Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996.

²⁰ Оболенский Д. Византийское содружество наций. С. 11.

ной, но и в советской историографии, не склонной к адекватной оценке роли Византии, признавалось, что экономические, политические и культурные связи Руси с Византийской империей были более тесными, чем с какой-либо иной страной²¹. Разносторонние отношения опирались на взаимные интересы: обретенное в X в. духовное родство и мощную договорную базу, регламентировавшую основные сферы. В определенный период эти связи были, возможно, самыми тесными среди всех стран Византийского содружества. Подобная длительность и интенсивность контактов беспрецедентна как для Руси, так и для большинства европейских стран из числа сохранявших свою независимость.

Определяющим событием для истории Руси стало принятие христианства из Византии. Этот цивилизационный переворот принес радикальные перемены во все сферы общественной жизни. Духовно Русь родилась заново — подтверждают современные исследователи²². Принятие византийского варианта христианства расширило интеллектуальные, политические горизонты древнерусского общества и сыграло решающую роль в создании (путем синтеза с некоторыми трансформированными элементами язычества) качественно более высокой культуры. Православие принесло на Русь новую систему моральных ценностей, изменило важнейшие традиции и обряды (включая столь консервативный и устойчивый, как погребальный), а в итоге во многом сформировало менталитет восточных славян и способствовало завершению формирования восточнославянской (древнерусской) народности²³.

Поскольку в Средние века религия являлась системообразующим элементом духовной сферы общества, византийское влияние стало главным фактором развития культуры Руси. Несмотря на растущие связи с европейскими странами, образцом для подражания были Византия и ее столица — Царьград. Важнейшим каналом культурного (а вместе с тем и политического) влияния стала Русская церковь. Она не только подчинялась Константинопольской патриархии, но и состояла поначалу преимущественно из греческого духовенства (среди митрополитов греки доминировали в течение всего домонгольского периода). Как и в других «варварских» государствах, зависимое от Византии духовенство являлось главным носителем грамотности и высокой культуры, ведало школами и образованием²⁴.

²¹ Левченко М. В. Очерки по истории... С. 429, 547; Оболенский Д. Византийское содружество наций. С. 241.

²² Подскальски Г. Христианство и богословская литература... С. 37.

²³ Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000. С. 273, 274, 333, 334, 338.

²⁴ Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. М., 1989. С. 247; Оболенский Д. С. Очерки по истории... С. 368.

Вместе с христианством (непосредственно из Византии или через Болгарию и Великую Моравию) Русь получила письменность, книги и книжное производство²⁵. Благодаря богослужению на доступном населению славянском языке (на Западе языком литургии была «мертвая» латынь, непонятная зачастую даже для священнослужителей), Русь обрела относительно высокий уровень грамотности. Самой развитой составляющей древнерусской культуры стала литература, основную часть которой (до 9/10 сохранившихся рукописей) составляли переводы, преимущественно книг византийского происхождения²⁶. От Византии, от греков, во множестве приезжавших из Константинополя и провинций империи в Киев, Новгород, Владимир и другие города, Русь восприняла чеканку монеты, каменную архитектуру, иконопись, фрески, мозаику, технологии ряда ремесел (перегородчатой эмали, художественного стеклоделия и др.), церковные песнопения, систему нотных записей... Спектр заимствований был широк: от государственно-административного управления, военного и морского дела, дипломатии до бытовых предметов, блюд и сельскохозяйственных культур, включая даже огурцы²⁷. В итоге принятие из Византии христианства трансформировало и ускорило развитие Руси, способствовало переходу общества на качественно новую ступень развития.

Не умаляя значимости связей со странами Европы и Востока²⁸, подчеркнем, что именно Византия была главным торгово-экономическим партнером Руси в X–XII вв. Это было обусловлено прочными узами, соединившими две страны; давними традициями торговли (до создания Руси она велась через посредство Хазарского каганата); более высоким, по сравнению с тогдашней Европой, уровнем экономического развития Византии и ее огромным рынком, открытым для важнейших товаров древнерусского экспорта: рабов, мехов, икры, рыбы, воска, меда,

²⁵ В последнее время роль Болгарии, других славянских государств пересматривается; признается, что книги и книжное производство Русь позаимствовала непосредственно из Византии. См.: Уханова Е. В. Рецепция византийского книжного производства на Руси в древнейший период (XI — перв. четв. XII в.) // Русь и Византия. С. 145–147.

²⁶ Подскальски Г. Христианство и богословская литература... С. 433, 434.

²⁷ К словам, перешедшим в русский язык из греческого (эпохи Византии), относятся: грамота, алфавит, бумага, парус, канат, корабль, терем, палата, мрамор, плита, кровать, скамья, фонарь, кот, вол, кулич, олады. См.: Культура Византии. С. 481, 489–491, 538, 540, 552, 553; Иванов С. Второй Рим глазами Третьего; Кузенков В. П. Регионы и периферия Византийской империи. Византия и Русь // Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004.

²⁸ Новосельцев А. П., Пацуто В. Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. 1967. № 3; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 71–112.

льна. Огромную роль в налаживании торговых и иных связей сыграло наличие «магистрального» речного пути, вдоль которого и сформировалось государство Русь²⁹. Торговые караваны из Киева и Новгорода отправлялись в Византию по меньшей мере с 880-х гг. Византийцы, не ограничиваясь торговлей через Херсонес, также стали приплывать на Русь, даже в окраинные ее земли. В Киеве и в других городах существовали греческие общины. Торговля с Византией находилась под прямым покровительством великокняжеской власти, на протяжении значительного периода русские купцы имели в империи привилегии. Вследствие этого за летний сезон туда прибывало не менее двух торговых флотилий из более чем 20 городов Среднего Приднепровья и Северо-Западной Руси. По некоторым оценкам, с торговыми целями Византию ежегодно посещали, живя там месяцами, от 1 до 1,5 тыс. «русов». Торговлей с Византией были охвачены все русские земли; византийские товары проникали не только в города, но порой и в деревню. До падения Константинополя в 1204 г. ни раздробленность Руси, ни даже «половецкий барьер» не смогли прервать этих связей³⁰.

Источники не позволяют говорить о чем-либо подобном в отношении европейских стран. Сухопутные пути, которые играли важную роль в связях с большинством европейских стран³¹, были куда менее удобны. Для многих древнерусских городов (даже с учетом имевшихся речных маршрутов) транспортные коммуникации с Европой не столь благоприятствовали масштабной торговле, как знаменитый путь «из варяг в греки» (в XII в. арабы называли его «русской рекой»³²). Скандинавские, восточноевропейские страны, немецкие города, несмотря на широкие связи с Русью и активную транзитную торговлю, не смогли сравняться с Византией по масштабу и уровню развития экономики; коммуникации с арабами были протяженны и ненадежны для крупномасштабной торговли.

Тесные, хотя нередко и конфликтные, военно-политические взаимоотношения двух стран также способствовали знакомству воинов, древнерусской

знати с Византией. В результате военных походов Руси на империю (только за 860–988 гг. их было 6) там побывали десятки тысяч воинов. Длительное время Русь была важным военно-политическим союзником Византии: в 911–935 гг. более 1,1 тыс. ее воинов (по видимому, варягов) участвовали в войнах империи с арабами и в походах в Европу. В середине X в. они принимали участие в двух экспедициях на Крит (в одной из них было 629 наемников из Руси), на Сицилию, в боях с арабами в Сирии. Отряд «крещеных русов» охранял императорский дворец. В последней трети X — 1-й половине XI вв. не менее 4 раз войска Руси посылались в качестве экстраординарной помощи Византии. Один из отрядов (6 тыс. воинов) в конце X в. положил начало варяжско-русской дружине, находившейся на службе у византийского императора в течение почти 100 лет и сыгравшей существенную роль в ряде войн. Дружина регулярно пополнялась, а часть воинов, отслужив договорный срок, возвращалась на Русь с торговыми караванами³³. Общее число воинов, побывавших в империи, по приблизительной оценке доходило до 100 тыс.; значительную их часть составляли «неукорененные» варяги, для которых Русь была лишь транзитным пунктом. Многие воины погибали или оставались жить в Византии. Тем не менее, это был уникальный, недооцененный еще канал трансляции византийского опыта на Русь. Разнообразные контакты с Византией затрагивали не только правящую верхушку, духовенство, но и заметную часть общества.

Принятие христианства способствовало завершению формирования древнерусского государства, что было вызвано не только консолидирующим влиянием единой религии. Вместе с православием Русь переняла византийскую религиозную доктрину с ее политическими представлениями и учениями (прежде всего касавшимися верховной государственной власти, ее божественного происхождения). Правители Руси использовали их для утверждения своего авторитета среди подданных, централизации власти, а также для повышения престижа страны на международной арене³⁴.

Другая идея византийской религиозной доктрины заключалась в признании верховенства василевса над всеми христианскими странами. Крещение языческих народов означало для империи включение их в большую «вселенскую» семью, находившуюся под высшим

²⁹ Сторонниками теории государствообразующей роли пути «из варяг в греки» являются некоторые современные исследователи: Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов Древней Руси (X–XIII вв.) // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 52, 53.

³⁰ Литаврин Г. Г. Византия и славяне. С. 400, 427, 442, 458, 459; Смирнов В. Н. Экономические связи Древней Руси с Византией и Северным Причерноморьем в VIII–XV вв.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л., 1980; Левченко М. В. Очерки по истории... С. 544.

³¹ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 72–78. Сухопутные пути для торговли с Византией использовались, особенно в конце XI–XII вв., и русскими купцами (Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 293).

³² Коновалова И. Г. Пути сообщения в Восточной Европе по данным средневековых арабо-персидских авторов // Древнейшие государства восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 130.

³³ Паушто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 62, 65, 66, 68, 69, 76, 77, 83, 84; Литаврин Г. Г. Византия и славяне. С. 427, 428, 498, 499; Оболенский Д. Очерки по истории... С. 249.

³⁴ Оболенский Д. Очерки по истории... С. 214, 299, 306; Культура Византии. С. 249, 263; Уртман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 42–44; Литаврин Г. Г. Византия и славяне. С. 471, 477.

покровительством императора, что рассматривалось как необходимое условие для легитимизации власти их государей. Император, считавшийся наместником бога на земле и защитником христианской веры, нередко становился патроном, духовным отцом крещеного правителя³⁵. Так произошло и с князем Владимиром, хотя о том, насколько глубоко Русь восприняла идею верховенства византийского императора, давно идут дискуссии.

Отчасти эту проблему позволяет прояснить титулатура правителей Руси (примечательный феномен, обойденный вниманием советской историографии). В Средние века она имела важнейшее значение, поскольку была связана с престижем государства, его притязаниями и влиянием³⁶. В то время как главы соседних славянских и крупных европейских стран имели титул «царь (император)» или «король», правители Руси оставались лишь «великими князьями». Если в отношении Польши и Чехии, например, это можно объяснить особенностями западной (католической) традиции, то как быть с православными Болгарией и Сербией, при том что сам титул «царь» был хорошо известен на Руси (он применялся по отношению к императорам Византии, а с XII в. и Священной Римской империи)?

В последнее время отечественные исследователи стали признавать: хотя

Ярослав Мудрый и некоторые другие великие князья для престижа порой именовались царями, в целом правители Руси не стремились к равному статусу с императорами Византии и Священной Римской империи³⁷. Встречающийся в древнерусских летописях термин «самовластец» или «самодержец» (буквальный перевод греческого «автократор»: *autos* — «сам», *crato* — «держу») использовался для констатации того, что у князя нет соправителей. Применявшийся к отдельным князьям титул «каган» подчеркивал авторитет князя и независимость от Хазарии и, возможно, отражал прежнюю традицию исполнения князьями жреческих функций, а также факт владения Тьмутараканью³⁸.

Отсутствие притязаний правителей Руси на более высокий статус царя историки объясняли особенностями ее политической структуры. У Рюриковичей верховным правителем являлся тот, кто считался старейшим в роде и занимал киевский стол, что порождало индиффе-

рентность к титулатуре. Даже термин «великий князь» начал последовательно употребляться лишь с конца XII в. (в связи с усилившейся раздробленностью, распадом княжеского рода на отдельные ветви) для подчеркивания политического верховенства³⁹. Эти объяснения заслуживают внимания, но не являются достаточными: соседние с Русью польские земли тоже могли рассматриваться как «родовое владение» (Пястов), но там индифферентности к титулам не наблюдалось.

Титулатура правителей Руси обуславливалась тем, что они признавали более высокий статус византийских императоров. Воспринятая из Византии религиозная доктрина (а она, как признают теперь и отечественные исследователи, могла быть усвоена только целиком)⁴⁰ закономерно включала и положение о ведущей роли последней в христианской ойкумене, ее духовной и политической опеке над христианизированными народами. Некоторую (с поправкой на католическую традицию) параллель с Русью можно найти в той же Польше. Если Чехия непосредственно входила в состав германской империи Оттонов (Священной Римской империи), то Польша — лишь в «содружество государств латинской Европы». Однако она, по мнению как современников, так и исследователей, признавала верховенство германских императоров⁴¹. Своеобразие Руси заключалось в том, что ее зависимость от Византии была следствием в большей мере духовных, чем собственно политических причин. Титул василевса был древнее и легитимнее, чем титул германского императора: он непосредственно опирался на древнеримскую традицию, был более весом, четко выражал идею всеобщности и исключительности. Светская и духовная власть в Византии не были столь обособлены, и статус императора как главы христианского мира не оспаривался Церковью. Болгария и Сербия завоевали титулы царей для своих правителей лишь в результате войн с Византией. В отличие от этих и других православных стран, Русь никогда не входила в состав Византийской империи; ей не приходилось вести борьбу за свою независимость. Поэтому ведущая роль Византии не вызвала отторжения и не подталкивала правителей Руси к претензиям на императорский титул. По мнению Дм.

³⁵ Культура Византии. С. 246, 248.

³⁶ Там же. С. 249.

³⁷ Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 2: Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 7–11, 17, 18.

³⁸ Флоря Б. Н., Турилов А. А. Общественная мысль Древней Руси в эпоху раннего средневековья // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 2009. С. 80; Орлов Р. С. Византия и Русь. С. 159.

³⁹ Горский А. А. Представление о «царе» и «царстве» в средневековой Руси // Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 2. С. 18. Другие исследователи подтверждают, что русские книжники не видели большой разницы между терминами «царь» и «князь», когда они применялись по отношению к русским князьям. См.: Вводов В. Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV в. // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. М., 2002. С. 526.

⁴⁰ Литаврин Г. Г. Византия и славяне. С. 471.

⁴¹ Флоря Б. Н. Польская общественная мысль раннего средневековья // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 2009. С. 251, 255.

Оболенского, даже «Повесть временных лет» отразила различие между князем как «местным национальным правителем, чья власть ограничена пределами его владений и императором, который один обладает юрисдикцией над всеми христианами»⁴².

В давнем споре о характере зависимости Руси от Византии (идеологической и политической или же только религиозной⁴³) истина, как представляется, лежит ближе к первому утверждению. Политическая зависимость была, но скорее символическая, необременительная⁴⁴; тем не менее, ее нельзя назвать «этикетной». Такая зависимость нашла свое выражение: в изображениях древнерусских князей на монетах (в виде императоров, а зачастую лишь патрициев) и на фресках Святой Софии в Киеве (где у императора присутствует нимб, а у Ярослава нет); в официальных обращениях византийских императоров к князьям («архонты Руси»); в титулах князей на их печатях (где они именовали себя по-гречески — «архонтес Росиас», а порой даже писали по-гречески свое имя); в поминании византийских императоров в церковных богослужениях на Руси. Попытка Василия I в конце XIV в. прекратить эту традицию встретила отповедь Константинопольского патриарха Антония IV («невозможно христианам иметь церковь и не иметь императора»). В одном из арабских источников XIV в. среди титулов византийского императора есть такой: «сабля царей Греции, меч царства Македонии, царствующий над Болгарией и Влахией»; встречается и «владыка столиц русов и аланов»⁴⁵.

Вопреки стереотипам как дореволюционные, так и некоторые современные исследователи отмечают, что Византия оказала заметное влияние на правовую систему Руси. Начало этому положили договоры русских князей с нею (содержавшие отдельные нормы «греческого» права), а в целом — необходимость

правового регулирования все большего присутствия и византийцев, и Руси на территории друг друга⁴⁶. По-видимому, в конце X в. при князе Владимире была предпринята попытка непосредственного введения византийского права, однако она не увенчалась успехом. Русская Правда в какой-то мере отразила дух Эклоги, ее рубрикации и некоторые нормы, особенно в сфере опеки и наследства, а ряд норм упоминались как альтернативные⁴⁷.

Основное влияние на правовую систему Руси Византия оказала через церковное право, для которого византийские источники (нередко в южнославянских переводах) имели решающее значение. Перенесенное на древнерусскую почву, византийское каноническое право содержало многие нормы светского права. Оно закрепило статус императора в христианском мире, а также декларировало принцип «симфонии», т. е. идеальный образ взаимоотношения светских и духовных властей. В силу обширности сферы юрисдикции⁴⁸ церковное право по мере христианизации общества охватывало массы населения, заменяя собой множество норм обычного права восточных славян (допускавшего множество и наложничество, предусматривавшего иные способы совершения и расторжения брака и т. п.)⁴⁹. Тем не менее, древнерусское право сохранило свой собственный характер, византийские нормы подверглись трансформации⁵⁰.

Говоря о воздействии Византии на политические представления (более сильное), на право (меньшее), отметим особенности взаимоотношений государства и Церкви. В отличие от Византии, Русская церковь не была подчинена светской власти, скорее стояла рядом с ней. Однако государство, как и в православной импе-

⁴² Оболенский Д. Очерки по истории... С. 239.

⁴³ Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 340, 359.

⁴⁴ К числу исключений относилось назначение Константинопольских митрополитов. Стремление князей влиять на выбор кандидата в митрополиты порождало порой церковные конфликты. Практика посылки в Византию войск обуславливалась не только материальной заинтересованностью князей и самих воинов (известно, что Святослав за поход на Болгарию получил от Византии аванс в 1,5 тыс. фунтов золота). В некоторых случаях, решающую роль могли играть политические обязательства князей. См.: Литаврин Г. Г. Византия и славяне. С. 516; Оболенский Д. Очерки по истории... С. 247, 248.

⁴⁵ Уортман Р. С. Сценарии власти... С. 44; Молчанов А. А. Византийское влияние в композиционном оформлении древнейшей русской буллы // Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья. М., 2001. С. 67, 68; Оболенский Д. Очерки по истории... С. 238, 281–283, 371; Культура Византии. С. 250; Русь и Византия. С. 76; Иконников В. Опыт исследования: О культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869. С. 297, 298.

⁴⁶ В частности, на Руси византийцы не желали подчиняться чуждому для них обычному праву. См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 3-е. СПб., 1900. С. 98, 99; Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1987. С. 169, 170.

⁴⁷ См.: Милов Л. В. Византийская Эклога и «Правда Ярослава» (К рецепции византийского права на Руси) // ТЕННАΑΙΟΕ. М., 1999; он же. Легенды или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право. 1996. № 1; Ключевский В. О. Соч. Т. 1. С. 219, 221–223, 229, 230, 233–235, 260, 269; Соловьев С. М. Соч. Кн. 1. С. 228, 250.

⁴⁸ Церковное право охватывало дела, связанные с внутренней жизнью семьи: браками и разводами, особыми случаями преступлений и т. д. Церкви принадлежало право суда над некоторыми сословными и профессиональными группами населения. См.: Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие... С. 251–253.

⁴⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 99, 100; Ключевский В. О. Соч. Т. 1. С. 229, 230.

⁵⁰ Оболенский Д. Очерки по истории... С. 341, 342. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 99, 100, 104; Подскальски Г. Христианство и богословская литература... С. 66, 304–306; Живов В. М. Особенности рецепции... С. 601; Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 321.

рии, не ограничиваясь дарениями и привилегиями, непосредственно поддерживало Церковь в ее собственно церковной деятельности⁵¹.

Связи с Византией имели принципиальное значение для развития торговли, некоторых технологий и ремесел, способствовали развитию товарно-денежных отношений и городов Руси⁵². Византийское влияние было главным, но далеко не единственным фактором развития культуры и распространялось на Русь неравномерно. Так в литературе наиболее полно воспринимались те стороны византийской культуры, которые были непосредственно связаны с православием, каноническим правом, организацией Церкви и отправлением христианского культа. В этих сферах «осуществлялся двусторонний контроль высшей светской и духовной власти», воздействие Византии «обнаруживалось тем ярче, чем слабее была развита та или иная отрасль русской культуры в дохристианскую эпоху»⁵³. Доминирующим было влияние Византии на этику, литературу, каменную архитектуру, изобразительное и прикладное искусство, в целом на эстетику и стилистику древнерусской культуры, придав ей византийскую одухотворенность и специфическую эмоциональную окрашенность⁵⁴.

Русь переняла от Византии прежде всего «аскетическую», а не «светскую», «гуманистическую» составляющую ее культуры, и практически не восприняла сохранявшейся античной традиции (благодаря древности и укорененности античного наследия, «иконоборчеству», насаждению культа императорской власти и появлению в XI–XII вв. ростков свободомыслия и рационализма)⁵⁵. Современные исследователи подтверждают давний вывод Г. Флоровского, Г. Федотова и др. о том, что сво-

еобразии древнерусской рецепции византийского наследия определялось ее незнакомством с классической традицией. В древнерусской литературе классическая греческая философия практически не оставила следов⁵⁶. В отличие от Руси, арабские страны, духовно чуждые Византии, смогли, пусть и частично, воспринять от нее античное наследие (это способствовало зарождению их собственной философии, отчасти естественнонаучных знаний⁵⁷; через арабов некоторые элементы античной культуры воспринял затем и Запад.) Связано это с тем, что в состав Арабского халифата вошли обширные территории Византийской империи.

К числу других своеобразных черт древнерусской рецепции византийской цивилизации можно отнести следующие. Одна из «младших православных культур» (выражение С. С. Аверинцева), Русь была равнодушна к «теории», к догматике и не унаследовала «догматических контроверз». Богословская традиция здесь не была рационализирована, православное вероучение было укоренено «более в сердце, чем в разуме»⁵⁸. (В какой-то мере это было свойственно и самой Византии, во всяком случае по сравнению с Западом⁵⁹.) Во всех проявлениях древнерусской богословской и церковно-политической жизни, в литературе и искусстве обнаруживалось тяготение к государственной церкви. В организации и положении последней были небольшие отличия от Византии: церковные владыки, как правило, не участвовали в княжеских съездах, финансирование Церкви осуществлялось за счет десятины; несколько иной была структура епископий; система наказаний в церковном праве была заимствована из княжеского права; были введены отдельные новые праздники, например, Покрова Богородицы (основан на эпизоде одного из греческих «житий»); как и в некоторых восточноевропейских странах, сложился культ национальных правителей (Ольга, Владимир, Борис и Глеб и др.)⁶⁰.

⁵¹ Подскальски Г. Христианство и богословская литература... С. 71, 438.

⁵² Помимо интенсивной торговли по пути «из варяг в греки» важным фактором в развитии городов стало усиление древнерусского государства и принятие христианства (Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов... С. 53, 55).

⁵³ Удальцова З. В. Культурные связи древней Руси и Византии. С. 26; Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 318, 321.

⁵⁴ Лихачева В. Искусство Византии IV–XV веков. Л., 1986. С. 299, 300; Удальцова З. В. Культурные связи древней Руси и Византии. С. 26. Орлов Р. С. Византия и Русь. С. 157; Бесолов В. Б. Компаративный анализ храмов центрально-купольной архитектуры Киевской Руси, стран Кавказа и Византии (X–XII вв.) // Русь и Византия. С. 24–26; Каждан А. П. Византийская культура (X–XII вв.). Изд. 2-е. СПб., 2006. С. 220. «Жители восточнохристианского мира, менее чем на Западе защищенные корпоративными и сословными связями, более зависимые от произвола деспотов и их служителей, были больше подвержены отрицательным эмоциям, более нуждались в утешении, снисхождении и милосердии. <...> Отблески этих душевных состояний в той или иной степени просматриваются в различных сферах византийской культуры в качестве ... одной из ее наиболее общих особенностей» (Культура Византии. С. 635).

⁵⁵ Культура Византии. С. 633, 634.

⁵⁶ В редких сборниках печатались лишь отдельные изречения греческих философов (Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 1. М., 1994. С. 25; Подскальски Г. Христианство и богословская литература... С. XV, 131, 434; Живов В. М. Особенности рецепции... С. 589, 591.

⁵⁷ Кривов М. В. Византия и арабы в раннем средневековье. СПб., 2002. С. 148–160.

⁵⁸ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб., 2004. С. 430; Подскальски Г. Христианство и богословская литература... С. XV, 131, 280.

⁵⁹ Можно сказать, что если на Западе рациональное римское право повлияло на богословие, то в Византии — наоборот (Хвостова К. В. Византийская философия истории в свете современных философских представлений // Русь и Византия. С. 149).

⁶⁰ Подскальски Г. Христианство и богословская литература... С. 71; Живов В. М. Особенности рецепции... С. 595, 599; Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 321; Оболенский Д. Очерки по истории... С. 327–332, 381.

Если в Византии сохранялось светское образование, то на Руси оно носило катехизисный характер, гуманитарное образование отсутствовало; античные авторы для подавляющего числа даже образованных людей выглядели непонятными, чуждыми и могли отождествляться с язычниками⁶¹. Различию типов образования некоторые дореволюционные исследователи придавали решающее значение. В. Иконников писал: «Светская мудрость не закрадывалась в древнерусскую школу»; «Узкий объем школьного обучения в древней России; безусловное доверие к книге при недостатке научной критике; наконец, смешение древних языческих представлений с новыми христианскими, переработанными народным понятием в своеобразную форму, при недостатке общих научных знаний, произвели ту особенную культуру, которая так отличает наш древний быт от другого»⁶².

Поскольку положение Руси принципиально отличалось от положения Византийской империи, она не могла воспринять наднациональный характер византийского общества. В ее культуре и искусстве постепенно все более проступали национальные черты, а в некоторых литературных произведениях явно чувствовались патриотические мотивы⁶³. Не были усвоены в домонгольской Руси и характерная для византийцев идея богоизбранного народа и представление об «идеальном государстве», порождавшие традиционализм имперского общества⁶⁴. (В какой-то мере эти идеи были восприняты в XV–XVI вв.). Организация государства, включая степень его централизации и госаппарат, а также статус, механизмы княжеской власти и способ ее передачи (наследственный, внутри представителей рода Рюриковичей), по большей части качественно отличалась от таковой в Византии.

Таким образом, Русь восприняла православие, но не восприняла классическую греческую философию и почти не восприняла естественнонаучные знания и римскую политико-правовую традицию, составлявшие важную, «античную» часть византийской цивилизации. В этом заключалось кардинальное отличие «русско-византийского» синтеза, от «западно-римского». Особенности рецепции византийской культуры коренились в принципиальном отличии исторических традиций Руси, образовавшейся, согласно афоризму С. М. Соловьева, «на девственной почве», а также в уровне ее экономического, социокультурного развития: он

был несопоставимо более низким, чем у Византии (та до XII в. являлась самой развитой страной Европы). Только в XI в. на Руси зародилось частное (вотчинное) землевладение (у верхушки бояр и церкви); по развитию городов, товарно-денежных отношений она значительно уступала Византии. Не было ни мощного, централизованного государства, ни четкой социальной стратификации общества, ни сколь-нибудь серьезных традиций грамотности, ни собственной литературы (до XI в.); зато сохранялись пережитки родоплеменных отношений и язычества, кровная месть и т. п. Какой в тех условиях мог быть общественный спрос на политические, правовые традиции Древнего Рима и классическую греческую философию, унаследованные Византией? Важнейшим фактором явилось и то, что, в отличие от германцев, завоевавших Западную Римскую империю и на ее территории создавших свои варварские королевства, Русь прямо не соприкасалась с Византией. Это существенно затрудняло рецепцию ее опыта. Занимая (как и Византия) промежуточное положение между Европой и Востоком, Русь испытывала мощное и противоречивое воздействие разных культур: от хазарской до скандинавской. С учетом этого понятно, что молодое древнерусское общество не могло сразу воспринять накопленное за 6 веков (не считая предшествующей, более чем тысячелетней, древнеримской традиции) «цивилизационное богатство» Византии. К тому же, не империя, а сама Русь определяла масштабы и формы этой рецепции⁶⁵. В итоге процесс усвоения наследия Второго Рима затянулся на столетия (даже после исчезновения Византии с карты мира).

Восприятие античной традиции затрудняла малая распространенность на Руси греческого языка (обусловленная тем, что языком литургии, а отсюда и всей культуры, стал славянский), и то, что в самой Византии эта традиция сохранялась лишь частично, в приспособленном к нуждам христианства виде. Интерес к античности вырос лишь в XI–XII вв., но это не означало подлинного возрождения античных ценностей. Византийский философ XI в. Михаил Пселл с горечью отмечал, «что хотя наследовать словесные богатства должны потомки, сокровище мудрости воспринято теми, кому оно не принадлежит по праву — варварами, иноземцами, а Эллада между тем, вместе с ионийскими поселенцами, отстранилась от отцовского наследия»⁶⁶. С унаследованным от Древнего Рима институтом частной собственности дело тоже обстояло непросто. Византия была единственной страной в Европе, совмещавшей детальные нормы классического права частной собствен-

⁶¹ Подскальски Г. Христианство и богословская литература... С. 132; Живов В. М. Особенности рецепции... С. 592, 593.

⁶² Иконников В. Опыт исследования... С. 3, 7

⁶³ Подскальски Г. Христианство и богословская литература... С. 351–374, 436.

⁶⁴ Каждан А. П. Византийская культура (X–XII вв.). С. 108, 110, 183.

⁶⁵ Соловьев С. М. Соч. Кн. 1. С. 260.

⁶⁶ Кривов М. В. Византия и арабы в раннем средневековье. С. 152; Культура Византии. С. 634.

ности и черты азиатских деспотий, где подданные лишь постольку и до тех пор обладали собственностью, пока это было удобно деспоту, своеобразной собственностью которого они были⁶⁷. На Руси частное землевладение только зарождалось и деспотической власти еще не было. (В XV–XVI вв. Россия восприняла лишь «вторую» часть этого византийского наследия, включая фактическое подчинение государству Церкви и обычай подданных называть себя «холопами царя» при обращении к последнему⁶⁸.)

В целом же Древняя Русь многое восприняла из культуры Византии. Ее влияние коснулось практиче-

ски всех сфер общества, затронув не только правящую верхушку, но и подавляющую часть христианизируемого населения. В отличие от других православных стран и Армении Русь не входила в состав Византии, но подобно им, относилась к ее «синтезной зоне». Византийское влияние на древнерусское общество определялось тем, что Русь входила в православную византийскую цивилизацию. Современные исследования, используя разную терминологию (Византийское содружество, культурно-историческая зона *Rex Orthodoxa*⁶⁹ и др.), подтверждают и конкретизируют этот давний вывод⁷⁰.

Список литературы:

1. Каждан А. П. Византийская культура (X–XII вв.). Изд. 2-е. СПб., 2006.
2. Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. М., 1989.
3. Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
4. Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб., 1999.
5. Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX–XII в.). СПб., 2000.
6. Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 2. Царь и царство в русском общественном сознании / Отв. ред. А. А. Горский. М., 1999.
7. Оболенский Д. Византийское содружество наций: Шесть византийских портретов. М., 1998.
8. Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996.
9. Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. М., 2008.
10. Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 2001.

References (transliteration):

1. Kazhdan A.P. Vizantiyskaya kul'tura (X–XII vv.). Izd. 2-e. SPb., 2006.
2. Kul'tura Vizantii. Vtoraya polovina VII–XII vv. M., 1989.
3. Levchenko M.V. Ocherki po istorii rusско-vizantiyskikh otnosheniy. M., 1956.
4. Litavrin G.G. Vizantiya i slavyane. SPb., 1999.
5. Litavrin G.G. Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' (IX–XII v.). SPb., 2000.
6. Mirovospriyatie i samosoznanie russkogo obshchestva. Vyp. 2. Tsar' i tsarstvo v russkom obshchestvennom soznanii / Otv. red. A. A. Gorskiy. M., 1999.
7. Obolenskiy D. Vizantiyskoe sodruzhestvo natsiy: Shest' vizantiyskikh portretov. M., 1998.
8. Podskal'ski G. Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoy Rusi (988–1237). SPb., 1996.
9. Rus' i Vizantiya. Mesto stran vizantiyskogo kruga vo vzaimootnosheniyakh Vostoka i Zapada. M., 2008.
10. Stanovlenie slavyanskogo mira i Vizantiya v epokhu rannego srednevekov'ya / Otv. red. G.G. Litavrin. M., 2001.

⁶⁷ Литаврин Г. Г. Византия и славяне. С. 8. Подробнее см.: Каждан А. П. Византийская культура (X–XII вв.). С. 88, 97–99.

⁶⁸ В Византии они называли себя «раб державного царя» (*Безобразов П. Предисловие // Диль Ш. Византийские портреты. М., 1994. С. 7*).

⁶⁹ Второй зоной в Европе была *Rex Romana* (Культура Византии. С. 634).

⁷⁰ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 33.